

НАРОДНИЧЕСТВО КАК ИДЕОЛОГИЯ САМОБЫТНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 марта 2015 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается вклад народников в разработку модели некапиталистической модернизации пореформенной России; анализируются причины отрицательного отношения идеологов народнической интеллигенции к русскому капитализму; обсуждается отношение к экономическим теориям народничества современных исследователей.

Ключевые слова: народничество, интеллигенция, модернизация, антикапиталистическая теория, «национальное производство».

Abstract: this article discusses the contribution of the populists in the development of a non-capitalist models of post-reform modernization of Russia; determined the reasons of the negative attitude of populist ideologues of Russian intellectuals to capitalism; discusses the attitude of modern scholars to economic theories of populism.

Key words: populism, intellectuals, modernization, anti-capitalist theory, «national production».

Что такое народничество? Долгое время это яркое и самобытное явление идейной и общественной жизни России второй половины XIX – начала XX в. воспринималось как доктрина утопического крестьянского социализма, в отличие от социализма «научного» – пролетарского [1]. В современной литературе народничество и марксизм рассматриваются как две конкурирующие между собой модели *некапиталистической модернизации* страны. Народники по известным причинам оказались в числе проигравших. Но это, конечно, не исключает их особого вклада в сложный и противоречивый процесс модернизации дореволюционной России [2].

Впервые проблема «народничество и модернизация» была поставлена В. Г. Хоросом на рубеже 1970–1980-х гг. «Национальный социализм» народников исследователь рассматривал как средство модернизации страны, ликвидации ее отсталости путем соединения, синтеза «своего» и «чужого», традиционного и современного. Только при этом условии модернизация обещала стать более гармоничной и менее болезненной для населения страны [3, с. 89].

В настоящее время данный подход доминирует в народниковедческой литературе. Народничество определяется как идеология самобытной модернизации, своеобразная реакция так называемой «передовой» интеллигенции на развитие капитализма в России. Субъективно народническая интеллигенция отстаивала мнения и интересы простого народа, но объективно она выражала собственное видение происходивших процессов и пыталась оказать на них влияние [4, с. 22, 24].

Акцентирование внимания на интеллигенции как основной движущей силе общественных преобразований здесь далеко не случайно. Современные исследователи отмечают, что в процессе модернизации стран «второго эшелона» (проводящейся «сверху», без достаточных социально-экономических предпосылок) особую роль играют внеэкономические факторы и прежде всего национальная интеллигенция как носительница нового типа общественного сознания [5]. Однако идеология интеллигенции – это не просто рационально обоснованная система взглядов и идей, где место Бога занимает наука и прогресс. Это еще и форма самоидентификации особой социальной группы («бессловной» или маргинальной, говоря современным языком), члены которой настойчиво стремились найти свое место в модернизирующемся обществе [6].

О том, что народничество как идеология, призванная защищать интересы трудового народа, неслучайно возникает и развивается в среде оппозиционной интеллигенции, было известно и раньше. О причинах «особенного» демократизма русской интеллигенции, воображавшей, что общинное крестьянство – самая подходящая почва для ее социалистических теорий, писали еще сами народники [7, с. 66; 8, с. 250]. Но именно теория модернизации позволила по-новому взглянуть и на народничество, и на так называемую «идейную» русскую интеллигенцию и установить между этими феноменами органическую взаимосвязь.

Верхушечный характер российской модернизации предопределил ее ориентацию не на улучшение положения населения, а на решение государственных

задач. Важнейшим негативным последствием политики ускоренной вестернизации страны стал ее социокультурный раскол на «народ» и «образованное общество». Со времен реформ Петра I высшие слои России стремились усвоить европейский (немецкий, французский, а потом и английский) образ жизни, мировоззрение и культурные традиции. Простой же народ продолжал жить традициями Московской Руси, почитая своих господ за иностранцев.

Русское народничество возникло на почве раскола и искусственной изоляции интеллигенции от народа. Этот разрыв сделал возможным характерную для народнической интеллигенции идеализацию «народа-почвы» и «тягу» к сближению с ней. С другой стороны, поставленная теоретиками народничества задача приобщения трудящихся масс к общечеловеческой культуре и цивилизации, или хотя бы к тем благам, которыми пользовались представители привилегированного общества, отражала объективную потребность в преодолении неорганического характера отечественной истории нового времени [9].

Основным вкладом народников в теорию и практику российской модернизации явилась их экономическая теория. Наиболее полно она представлена в трудах В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона 1880–1890-х гг. Благодаря их усилиям учение А. И. Герцена о возможности некапиталистического развития России, опираясь на «социалистические задатки» общинного крестьянства, получило подробное экономическое обоснование.

Антикапиталистическая теория народников основывалась на идее невозможности для России достигнуть высшей ступени промышленного развития, следуя капиталистическим путем. Это в Европе капитализм развивает и обобществляет производство. Русский капитализм может только разорять народ и государство. На созидание он не способен по причине своей враждебности традиционным коллективистским ценностям русского народа. Капиталистическое производство в России могло существовать только при поддержке царского правительства, т.е. искусственно, а потому народники объявили это его детище «мертворожденным» [10, с. 25].

Народники-экономисты видели, что поземельная община, которая еще в 1870-е гг. считалась «палладиумом земли Русской», уже не препятствует образованию сельского пролетариата. Поэтому они нашли другое обоснование невозможности глубокого проникновения капитализма в русскую почву. Это отсутствие рынков, необходимых для расширения капиталистического производства. По мнению народников, внешние рынки были заняты более развитыми странами, а внутренний постоянно сокращался под влиянием пауперизации населения. Получалось, что идя капиталистическим путем, Россия не только не

догонит Запад, но и рискует превратиться в его сырьевой придаток [11, с. 20–21].

В качестве альтернативы капиталистическому способу хозяйствования народники предлагали так называемое «народное производство» (община, артель, кустарные промыслы). Будущее России они связывали с развитием кооперации и артельного принципа, а не рыночной конкуренции.

К сожалению, конкретная экономическая программа народников, направленная на поддержку так называемой «моральной экономики» (всевозможные проекты сохранения связи крестьянина с землей, а промышленного рабочего с деревней), не так убедительна, как их критика капитализма. России объективно требовалось «раскрестьянивание» народа. Как заметил по этому поводу историк М. Д. Карпачев, сама установка на сбережение устойчивости крестьянского хозяйства в условиях ускоренного роста городской экономики, урбанизации и социальной мобильности выглядит откровенным консерватизмом [12, с. 88–89]. Однако нельзя забывать, что народники все-таки признавали необходимость индустриализации страны, без которой невозможна экономическая модернизация. «Страны, исключительно земледельческие, существовать не могут», – писал по этому поводу С. Н. Кривенко; в конце концов, в них непременно возникает промышленность и люди, специально посвятившие себя фабричной деятельности [13, с. 237]. Только решение этой задачи народники откладывали на потом, так как народные интересы (развитие «народного производства») ставили выше интересов государства. Кроме того, крупные формы производства должны были развиваться на базе мелкой крестьянской промышленности, а не «насаждать» сверху под покровительством правительства.

Итак, русские народники отстаивали идею постепенной артельно-кооперативной модернизации России. Их можно упрекать в излишней идеализации крестьянства и недооценке возможностей русского капитализма. Однако именно народники одними из первых в мире указали на необходимость выбора собственной (русской) модели построения современного общества, с учетом исторических особенностей социально-экономического и культурного развития страны [14, с. 7]. Сегодня на правомочность данного подхода указывает опыт других стран «догоняющей» модернизации, также отказавшихся от механического копирования западной модели развития.

Важнейшее место в общественной жизни пореформенной России занимала проблема демократизации политического строя. Здесь народники также внесли весомую лепту.

Разрабатывая общую концепцию демократизации России, народники прекрасно понимали, что невоз-

можно утвердить ее в жизни без понимания и поддержки народа. Демократия без народа – это лжедемократия. Неслучайно главной практической задачей для всего народнического движения 60–90-х гг. XIX в. оказалось «наведение мостов» между передовой русской интеллигенцией и простонародьем. И все же стать подлинными вождями масс народникам так и не удалось. Дело в том, что идеалы и стремления радикальной интеллигенции (как одного из продуктов европеизации России) вплоть до начала XX в. не находили активной поддержки в народной среде. Патриархальная крестьянская семья, державшаяся на власти «большака», конечно, больше соответствовала авторитарному политическому режиму, чем демократическому [15, с. 236–237].

Столкнувшись во время знаменитого «хождения в народ» 1874–1875 гг. с проблемой народного консерватизма, часть народников перешла к открытой политической борьбе с самодержавием – «для народа, но без народа». Важнейшим ее итогом, помимо известных уступок со стороны власти, стало создание первой в истории России политической партии – «Народной воли». Главное свое сражение революционеры-террористы выиграли – Александр II был убит, но антиправительственную кампанию они проиграли. Революции не случилось, а в обществе и народе возникла устойчивая интеллигентофобия.

Увлечение террором завело революционно-народническую мысль в глубокий тупик. Правда, в начале XX в. опыт народовольцев и их рецепты борьбы с властью оказались востребованными социалистами-революционерами и русскими марксистами. Последние, как известно, осуществили свою революцию по сценарию, намеченному в свое время идейным вдохновителем народовольцев П. Н. Ткачевым.

В 1990-е гг. на волне неприятия нашего «революционного» прошлого слова «народник» и «террорист» стали восприниматься как чуть ли не синонимы. Это не совсем справедливо. Еще на рубеже 1860–1870-х гг. в народничестве зарождается так называемое культурническое течение, ориентированное на удовлетворение насущных потребностей народа исключительно мирными легальными средствами (работа в земстве и разного рода благотворительных обществах, организация кооперативного движения, частная учительская и врачебная практика и т.д.). После разгрома «Народной воли» уже тысячи молодых людей, ободренных идеей неоплатного долга перед народом, отправились в деревню на «культурную работу». Исследователи позднего народничества используют для обозначения этого явления специальный термин – «второе хождение в народ» [16, с. 84].

Системно и повсеместно осуществляемые «малые дела» за три десятка лет произвели в деревне настоящий социокультурный переворот. Они пробудили в

народе дух перемен, сознание недовольства своим положением (то, чего в свое время не смогли добиться народники-пропагандисты), подготовив тем самым почву для ускоренной модернизации страны [17, с. 286–290].

Есть и другая оценка народничества. Например, Б. Н. Миронов считает, что антибуржуазное сознание российской интеллигенции, главной идеологией которой было народничество, тормозило социальную модернизацию страны (индивидуализацию личности, демократизацию семьи, генезис гражданского общества и правового государства) и появление в ней среднего класса [18, с. 289, 291, 320–321]. С этим можно было бы согласиться, если бы Россия повторяла ход развития Европы, пусть и асинхронно. На деле путь вестернизации нашей страны оказался слишком уж долгим и извилистым, и конца ему пока не видно.

Причиной периодических срывов модернизационных процессов в России является их неорганический характер. Россия и Европа – это две разные цивилизации, хотя и с общими христианскими корнями. Либеральные ценности чужды русской православной культуре, ведь наша церковь не переживала реформации. Кроме того, Россия длительное время оставалась страной со стесненной хозяйственной и политической инициативой (она принадлежала государству, а не буржуазии). В итоге к концу XIX в. русский либерализм оказался «зараженным» социалистическими идеями народников [19, с. 32]. И не только он один.

Народничество, писал в 1917 г. философ Н. А. Бердяев, всегда имело особое обаяние для русской души. Народниками были первый русский интеллигент Радищев, славянофилы и толстовцы, Герцен, Белинский и Чернышевский, Бакунин и Ткачев. От народничества не могли освободиться практически все великие русские гении, включая Гоголя, Достоевского и Л. Толстого. Даже социал-демократы испытали на себе народническое перерождение, попав под власть старых народнических иллюзий. В общем, все они – дворяне и разночинцы, консерваторы и революционеры, мистики и атеисты, кто в большей, кто в меньшей степени верили в особый путь исторического развития русского народа, приняв его отсталость за преимущество, «за знак нашего высшего призвания» [20, с. 90–91].

После большевистской революции 1917 г. народничество, доминирующее в русском освободительном движении более полувека, постепенно сошло с исторической сцены. Но идея особого пути развития России не канула в Лету. Ее подхватили и по-своему развили русские марксисты. И даже теперь, когда наша страна вернулась в русло общемирового развития, вопрос о необходимости самобыт-

ной модернизации российского социума, т.е. с учетом его главных культурно-исторических особенностей, по-прежнему не утратил своей актуальности [21, с. 47].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малинин В. А.* История русского утопического социализма. Вторая половина XIX – начало XX вв. / В. А. Малинин. – М. : Наука, 1991. – 272 с.
2. *Антонов В. Ф.* Народничество в России : утопия или отвергнутые возможности / В. Ф. Антонов // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 5–19.
3. *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах / В. Г. Хорос. – М. : Наука, 1980. – 286 с.
4. *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. / В. В. Зверев. – М. : Уникум-Центр, 1997. – 366 с.
5. *Герасимов И.* Российская ментальность и модернизация / И. Герасимов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С. 63–73.
6. *Мокшин Г. Н.* Реформаторское народничество и проблемы самоидентификации русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. – М. : АИРО-XX, 2003. – С. 363–388.
7. *[Воронцов В. П.] В. В.* Наши направления / В. В. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – 215 с.
8. *Протопопов М.* Воинствующее народничество / М. Протопопов // Русская мысль. – 1893. – № 10. – С. 232–253.
9. *Мокшин Г. Н.* Социокультурные предпосылки «народнической смуты» 1870 – начала 1880-х гг. / Г. Н. Мокшин // Смута как исторический и социокультурный феномен : материалы всерос. науч. конф. – М. : Прометей, 2013. – С. 228–233.
10. *[Воронцов В. П.] В. В.* Судьбы капитализма в России / В. В. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 312 с.
11. *Рачков М. П.* Политико-экономические прогнозы в истории России / М. П. Рачков. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1993. – 188 с.
12. *Карпачев М. Д.* К вопросу об определении народничества / М. Д. Карпачев // Народники в истории России : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. – Воронеж, 2013. – С. 73–90.
13. *Кривенко С. Н.* Русские народные артели / С. Н. Кривенко // Собр. соч. : в 2 т. – СПб., 1911. – Т. 1. – С. 212–237.
14. *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России : Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. / В. Т. Рязанов. – СПб. : Наука, 1999. – 769 с.
15. *Миронов Б. Н.* Семья : нужно ли оглядываться в прошлое? / Б. Н. Миронов // В человеческом измерении : сб. ст. – М. : Прогресс, 1989. – С. 226–246.
16. *Новак С. Я.* Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» / С. Я. Новак // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 80–85.
17. *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2010. – 298 с.
18. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 2. – 568 с.
19. *Селезнев Ф. А.* Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии / Ф. А. Селезнев // Вопросы истории. – 2006. – № 9. – С. 22–34.
20. *Бердяев Н. А.* Народническое и национальное сознание / Н. А. Бердяев // Русская мысль. – 1917. – № 7–8. – С. 90–97.
21. *Зарубина Н. Н.* Самобытный вариант модернизации / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 46–51.

Воронежский государственный университет

*Мокшин Г. Н., кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России*

E-mail: mok410@mail.ru

Tel.: 8 (473) 252-11-60

Voronezh State University

Mokshin G. N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department

E-mail: mok410@mail.ru

Tel.: 8 (473) 252-11-60